

А. В. Блещик

Уральский государственный
юридический университет им. В. Ф. Яковлева
(Екатеринбург)

ПРИНЦИПЫ ПРАВОВОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ НОРМАТИВНЫХ АКТОВ В СИСТЕМЕ ПРИНЦИПОВ НОРМОТВОРЧЕСТВА: КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОДХОД

Правовая экспертиза одновременно выступает в нескольких аспектах: и как элемент правотворческого процесса, и как специальная практика, направленная на конституционализацию национального законодательства. В юридической науке регулярно предпринимаются попытки определить принципы, на которых базируется юридическая экспертиза. При формулировании этих принципов автор пробует обратиться к неклассическим, непозитивистским подходам к правопониманию, например к коммуникативной теории права. Коммуникативная теория рассматривает право как коммуникативную систему и воспринимает правовую норму в рамках социального контекста, тесно связанного с коммуникативным содержанием отношений между юридическими лицами.

Коммуникативная теория права позволяет сформулировать следующие принципы юридической экспертизы: 1) принцип обеспечения эффективности правовой коммуникации, 2) принцип диалогизма, 3) принцип интерсубъектности эксперта, 4) принцип баланса между интересами субъектов нормотворчества, 5) принцип интегративности. Поскольку правовая экспертиза выступает элементом нормотворческого процесса, ее принципы (та их часть, которая направлена на обеспечение качества правовых актов) могут быть органично встроены в систему принципов правотворчества.

Ключевые слова: нормотворчество, принципы нормотворчества, конституционализация законодательства, правовая экспертиза нормативных актов, принципы правовой экспертизы, коммуникативная теория права

Для цитирования

Блещик А. В. Принципы правовой экспертизы нормативных актов в системе принципов нормотворчества: коммуникативный подход // Российское право: образование, практика, наука. 2024. № 4. С. 12–21. DOI: 10.34076/2410-2709-2024-142-4-12-21.

УДК 340.13

DOI: 10.34076/2410-2709-2024-142-4-12-21

Введение. Изучение вопросов правовой экспертизы и оценки регулирующего воздействия правовых актов, мониторинга законодательства и правоприменения составляет сегодня одно из наиболее динамично развивающихся направлений правовой науки, в том числе науки конституционного права. Под правовой экспертизой нормативных правовых актов (проектов правовых актов) традиционно понимают «правовую оценку формы правового акта (проекта правового акта), его

целей и задач, предмета правового регулирования, компетенции органа, принявшего правовой акт, содержащихся в нем норм, порядка принятия, обнародования (опубликования) на предмет соответствия требованиям Конституции РФ и федеральных законов...» [Нечкин 2020: 11–12].

Поскольку правовая экспертиза направлена, в частности, на установление соответствия правовых актов Конституции Российской Федерации, она призвана обеспечить

функционирование конституционных принципов и норм во всех элементах национальной правовой системы. Значит, ее можно наряду с конституционным контролем считать конституционализирующей практикой, или практикой, обеспечивающей конституционализацию законодательства.

Нормотворческая функция государства, несомненно, одна из наиболее важных функций социального управления [Писаревский 2013; Спиридонов 2021]. Именно по этой причине государство стремится обеспечить собственный монополизм в указанной сфере и гарантировать единство правового пространства¹. В государственно-правовой практике правовой плюрализм продолжает считаться нетипичным и нежелательным [Писаревский 2013].

Принципы нормотворчества. Чтобы повысить эффективность реализации нормотворческой функции государства, эту деятельность нужно выстраивать в соответствии с общими началами – принципами, которые на основе конституционного строя определяли бы правовую политику государства. Стоит сказать, что с точки зрения общей теории государства и права под принципами обычно понимаются «выраженные в праве исходные нормативно-руководящие начала, характеризующие его содержание, его основы, закреплённые в нем закономерности общественной жизни» [Алексеев 2010: 100].

Ввиду того что в Российской Федерации не принят так называемый федеральный закон о правовых актах, не установлен и перечень принципов нормотворчества. Недостатки федерального законодательства, как правило, вынуждена компенсировать юридическая доктрина. Формулированию принципов нормотворчества посвящено много исследований, вследствие чего науке известны самые разные варианты подобных перечней [Дерхо 2014; Ковачев 1980; Нерсисянц 2023].

Представляется, что наиболее взвешенным и полным является перечень таких принципов, предложенный Ю. Г. Арзамасовым. По его мнению, к принципам нормотворчества

относятся принципы законности, научности, технического совершенства, демократизма, гуманизма, профессионализма и гласности [Нормография: теория и технология нормотворчества 2020: 35]. Некоторые из них, как видно, касаются исключительно качества юридического материала, а некоторые как будто адресованы субъекту нормотворческой деятельности (личности нормотворца). Так, очевидно, что принципы законности, демократизма и гуманизма предъявляют требования к содержанию самого проекта правового акта, а вот принципы научности, технического совершенства и профессионализма требуют определенных навыков и умений от того, кто выступает его разработчиком.

Таким образом, система принципов нормотворчества внутренне неоднородна. Если некоторые общеправовые по своей сути принципы стабильны и не подвержены изменениям (как, например, принцип законности или гуманизма), то другие постоянно переосмысляются. В динамике всегда пребывают критерии технического совершенства нормотворческой деятельности: современные информационные технологии в нормотворчестве, связанные, в частности, с привлечением искусственного интеллекта, выводят эту деятельность на совершенно новый технический уровень. Столь же подвижен принцип гласности и в целом транспарентности нормотворческого процесса.

Разумеется, изменилось и представление о профессионализме (профессиональных компетенциях) лиц, занимающихся нормотворческой деятельностью. Сегодня профессионала отличают не только собственно юридические компетенции, но и владение информационными технологиями, знания в области ряда социально-гуманитарных наук, в том числе истории, политологии, социологии и экономики.

Исходя из такого расширенного понимания принципа профессионализма, к современным юристам, занимающимся нормотворчеством, обращается и С. А. Авакьян. Он формулирует принципы нормотворчества (вернее, законотворчества, поскольку речь идет преимущественно о подготовке проектов законов) в оригинальной манере. Примечательно, что ученый называет их не принципами, а «заповедями», и указывает следующее: 1) надо убедиться, что законодательное

¹ Понятие «единство правового пространства» введено в законодательство Указом Президента РФ от 10 августа 2000 г. № 1486 «О дополнительных мерах по обеспечению единства правового пространства Российской Федерации». При этом дефинитивных норм, а также положений, характеризующих признаки единства правового пространства, в данном Указе нет.

регулирование «ложится» на национальную почву; 2) если принятие закона предусмотрено, он должен быть принят; 3) следует определить место акта в системе законодательства; 4) начинать надо с определения цели и разработки концепции закона; 5) нужно определить назначение и стиль регулирования; 6) нужно определить возможность реализации акта; 7) при подготовке акта следует обязательно проанализировать вопросы его прямого и побочного действия в будущем; 8) необходимо думать о культуре акта; 9) необходима проверка будущей эффективности акта; 10) по каждому законопроекту надо проводить экспертизы [Авакьян 2010].

Не переходя к раскрытию этого «декалога» и пересказу статьи С. А. Авакьяна, отметим, что предложенные принципы-заповеди по содержанию очень отличаются друг от друга. Некоторые из них, как, например, обязательность разработки концепции или проведения экспертизы, носят технический и процедурный характер. Отдельные принципы акцентируют внимание на формально-юридическом анализе регулирования (определение места акта в системе законодательства, определение правотворческого полномочия). Иные – что более важно для нас в контексте развития рассматриваемой темы – требуют при подготовке проекта установить последствия принятия правового акта, оценить его востребованность, органичность для той социальной среды, в которой акт будет реализовываться. Сам С. А. Авакьян пишет об этом так: «Смысл этого условия... не готовить и, далее, не принимать акты, которые не корреспондируют национальной социально-экономической и политической системе, а также, что не менее важно, национальному менталитету» [Там же: 8].

Воздержимся от научной оценки понятия «национальный менталитет» и, в целом соглашаясь с приведенной позицией, скажем, что правовое регулирование должно осуществляться исходя из социокультурного контекста. Важно помнить это при формулировании основ, на которых должна строиться и правовая экспертиза как деятельность, которая призвана обеспечить высокое качество принимаемых правовых актов и проведение которой выступает, как указывалось выше, одним из важнейших условий качественного нормотворчества. Рассмотрим же существующие

подходы к формулированию принципов правовой экспертизы и методике ее проведения.

Общие подходы к определению принципов правовой экспертизы. Отметим для начала, что существующие методики проведения правовой экспертизы не провозглашают принципов, на основе которых она проводится. Вернее, если принципы и обозначаются, то относятся они скорее к организации экспертизы и применению ее результатов, нежели к методике ее проведения. Так, Федеральный закон от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» устанавливает перечень основных принципов этой деятельности и включает в него принцип обязательности антикоррупционной экспертизы, принцип оценки актов во взаимосвязи, принципы обоснованности, объективности и проверяемости результатов экспертизы, организационные принципы компетентности экспертов и взаимодействия их с институтами гражданского общества.

Попытки сформулировать специальные принципы проведения правовой экспертизы предпринимались и на уровне доктрины. В частности, Т. Н. Москалькова и В. В. Черников к принципам правовой экспертизы относят ее всеобщность, независимость, полноту, многоступенчатость, достаточность времени на проведение экспертизы, профессионализм экспертов, обязательность результатов правовой экспертизы [Москалькова, Черников 2015: 318–323].

Отсутствие нормативно установленных принципов правовой экспертизы приводит, во-первых, к абсолютной «творческой свободе» экспертов, при которой выбор средств и методов проведения правовой экспертизы никак не ограничен. Нельзя сказать, что эта свобода вредит экспертам и экспертизе, но, поскольку принципы способствуют формированию стандарта (в том числе правовой экспертизы), принципы необходимы для определения критериев качества работы эксперта. Во-вторых, и это тесно связано с первым соображением, часто отсутствие принципов приводит к формализации правовой экспертизы, когда факт ее проведения (соблюдение формальных процедурных требований) значит больше, чем ее результат. Особенно это актуально для внутренней правовой экспертизы, проводимой государ-

ственными органами в отношении собственных правовых актов.

Не стоит, однако, думать, что нормативное установление принципов правовой экспертизы (а уж тем более навязывание всем экспертам единой методики ее проведения) способно устранить все имеющиеся в этой сфере проблемы и автоматически повысить качество принимаемых правовых актов. Разумеется, куда большее значение имеют реализация установленных принципов и личное отношение экспертов к собственной работе. Очевидно также, что развитие экспертной деятельности в не меньшей степени зависит и от мировоззренческих ориентиров, положенных в ее основу.

Методологические подходы в правовой экспертизе. Формулирование перечня принципов и расстановка акцентов внутри него напрямую зависят от той методологической «платформы», которую изберет исследователь. Чтобы расширить возможности научного поиска, полезно сойти с популярной и общепринятой позитивистской «платформы» при исследовании проблем нормотворчества. В. Д. Перевалов относил к негативным моментам позитивистской теории права «вводимую искусственную отграниченность права как системы от фактических общественных отношений, отсутствие возможности нравственной оценки правовых явлений, отказ от исследований содержания права, его целей» [Перевалов 2022: 76]. В качестве альтернативы традиционному позитивистскому (нормативистско-позитивистскому) и юснатуралистскому подходам к правопониманию для исследований в области нормотворчества можно использовать коммуникативную концепцию права. М. В. Антонов, А. В. Поляков и И. Л. Честнов отмечают, что «коммуникативная концепция права – это новый, постклассический подход, позволяющий дать более полное представление о праве, обо всех правовых институтах, так как вводит правовую догматику в контекст социальной коммуникации» [Антонов, Поляков, Честнов 2013: 80].

Принципы правовой экспертизы: коммуникативный подход. С точки зрения коммуникативной концепции наиболее важная задача нормотворческой деятельности состоит в том, чтобы формулировать юридические нормы, которые, во-первых, недвусмысленно

определяли бы выбор участниками отношений текстуальных средств правовой коммуникации, а во-вторых, адекватно отражали бы характер правовой коммуникации в опосредуемой этими нормами сфере. Следовательно, основные задачи правовой экспертизы проекта правового акта состоят в том, чтобы оценить соответствие юридических норм (действующих или проектируемых) характеру и содержанию правовой коммуникации, установить, насколько эти нормы позволяют участникам общественных отношений удовлетворять свои потребности, и определить, насколько адекватно, полно и корректно нормы отражают правила поведения субъектов и передают правовое (коммуникативно-деятельностное) содержание. Можно, таким образом, сказать, что первичным с точки зрения рассматриваемой концепции принципом правовой экспертизы является *принцип обеспечения эффективности правовой коммуникации*.

Эффективность правовой коммуникации при этом нельзя смешивать с экономической эффективностью регулирования, степень которой, как правило, устанавливается в рамках оценки регулирующего воздействия правового акта. В экономическом смысле (в смысле задач оценки регулирующего воздействия) эффективным признается такое регулирование, которое позволяет его инициатору (нормирующей инстанции) достичь желаемого юридически и социально значимого результата с наименьшим объемом издержек, главным образом финансовых, временных и организационных. В свою очередь эффективность правовой коммуникации в нормотворчестве зависит от соотношения ожиданий нормирующей инстанции и социального результата, выражающегося в готовности адресатов юридических норм реализовывать их в общественных отношениях. Довольно точно это формулирует И. Л. Честнов, когда говорит: «Чтобы закон функционировал, он должен выражать хотя бы в минимальной степени экспектации населения и правоприменителей. Поэтому мониторинг социальной жизни – важнейшая предпосылка измерения эффективности права» [Эффективность правового регулирования 2022: 82].

Нарушение рассматриваемого принципа чаще всего проявляется в принятии правовых актов, впоследствии не востребованных

обществом. В частности, И. П. Кожокарь называет такие акты «символическими» и в качестве примера приводит Федеральный закон от 19 июля 1998 г. № 115-ФЗ «Об особенностях правового положения акционерных обществ работников (народных предприятий)», целью реализации которого «должно было стать повышение эффективности деятельности общества за счет преобладания работников-акционеров» [Кожокарь 2017: 86–87]. Фактически же указанный Федеральный закон почти не применяется, о чем косвенно может свидетельствовать тот факт, что за всю его 26-летнюю историю изменения в него вносились лишь дважды.

Только диалогический подход, позволяющий рассматривать нормотворчество с позиций всех участников этого процесса, дает возможность выявить потенциальное злоупотребление еще на стадии разработки проекта правового акта

Аналогично неэффективным оказался Федеральный закон от 27 мая 2014 г. № 136-ФЗ, которым были внесены изменения в Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», направленные на установление новых видов муниципальных образований – городских округов с внутригородским делением и внутригородских районов. Неэффективная правовая коммуникация между разными уровнями публичной власти и неспособность экспертов просчитать последствия принятия этого регулятивного решения привели к тому, что практика создания городских округов с внутригородским делением так и не сформировалась. В России сегодня по-прежнему существуют только три городских округа с внутригородским делением¹.

Еще одним принципом правовой экспертизы с точки зрения коммуникативного подхода к праву можно назвать *принцип диалогизма*. Важной исходной установкой при проведении правовой экспертизы должно быть по-

¹ Доклад о результатах ежегодного мониторинга организации и развития местного самоуправления в Российской Федерации за 2020 г. // URL: <https://minjust.gov.ru/uploaded/files/monitoring-msu-202115.docx> (дата обращения: 18.04.2024).

нимание того, что правовое взаимодействие в естественном виде носит характер диалога, в котором каждый участник имеет свои интересы и свою диалогическую позицию. Поскольку, по меткому выражению В. И. Крусса, «всякое злоупотребление правом базируется на решающем убеждении в „ценностном превосходстве“ своего права и своего интереса над правами и интересами контрагентов: конкретных лиц или всего общества» [Крусс 2007: 643], только диалогический подход, позволяющий рассматривать нормотворчество с позиций всех участников этого процесса, дает возможность выявить потенциальное злоупотребление еще на стадии разработки проекта правового акта.

Если мы хотим, чтобы диалог был результативным, необходимо добиться, чтобы стороны диалога были если не равны, то равнозначны, они должны знать, какова конечная цель диалога, и стремиться к ней, они должны стремиться понять друг друга и вместе с тем обеспечить понятность своих сообщений. Сторонам также важно иметь общую систему координат, состоящую из общих ценностей и этических установок, и соблюдать правила ведения диалога.

В современной российской нормотворческой практике обратную связь от потенциальных адресатов легче всего получить в рамках уже упоминавшейся процедуры оценки регулирующего воздействия, которая предполагает проведение обязательных публичных консультаций. Несмотря на то что оценка регулирующего воздействия отличается по своей природе и содержанию от правовой экспертизы, отдельные элементы этой процедуры могут и должны применяться в ходе правовой экспертизы. Речь, в частности, идет о проведении публичных консультаций, направленных на выявление мнения потенциальных адресатов правовых норм и правоприменителей.

Частыми нарушениями принципа диалогизма сопровождалось формирование «коронавирусного законодательства» во многих субъектах Российской Федерации, когда эксперты не рассматривали вводимые ограничительные меры с точки зрения их потенциальной реализации адресатами правового регулирования.

Например, в Свердловской области в указ губернатора от 18 марта 2020 г. № 100-УГ

«О введении на территории Свердловской области режима повышенной готовности и принятии дополнительных мер по защите населения от новой коронавирусной инфекции (2019-нCoV)» были внесены изменения, согласно которым, для того чтобы обеспечить соблюдение гражданами социального дистанцирования, собственникам и иным законным владельцам помещений, предназначенных для предоставления услуг общественного питания, и организациям, оказывающим услуги по перевозке пассажиров и багажа легковым такси, предписывалось оказывать соответствующие услуги при условии оснащения рабочих и (или) посадочных мест защитными экранами или зонирующими перегородками. Данное требование спровоцировало волну недовольства главным образом среди предпринимателей, осуществлявших деятельность в сферах общественного питания и транспортных услуг, поскольку выполнить это предписание за несколько часов или даже дней было невозможно. Внесенные в указ от 18 марта 2020 г. № 100-УГ изменения от 20 ноября 2020 г. придали рассматриваемому требованию характер рекомендации.

С коммуникативных позиций для соблюдения принципа диалогизма при проведении правовой экспертизы, помимо прочего, эксперт должен отказаться от формальных оценок правового регулирования и обязательно воспринимать участников регулируемых общественных отношений в социальном контексте. Кроме того, от эксперта требуется сохранять отвлеченную позицию и, как следствие, не допускать поддержки чьих-либо частных интересов при оценке качества материала.

Разумеется, проблема роли эксперта в проведении правовой экспертизы заслуживает особого внимания. Традиционно эксперт – это лицо, которое имеет специальный правовой статус, обладает специальными познаниями в области права и осуществляет в закрепленном процессуальном порядке экспертное исследование [Миронов 2012: 34]. Конечные цели деятельности эксперта – сбор и обработка информации. В рамках же правовой экспертизы эксперту должна отводиться качественно иная роль, обусловленная его интерсубъективной позицией. Это значит, что эксперт не может наблюдать за общественными отношениями и их регулированием отвлеченно. Ему необходимо вовлекаться в регулирование,

моделируя возможное поведение участников и меняя при этом «наблюдательную позицию». Эксперту также надлежит минимизировать свой обусловленный личным опытом вклад в рассматриваемые общественные отношения. В этом состоит еще один принцип, на котором основана коммуникативно-правовая экспертиза, – *принцип интерсубъективности эксперта*.

Следование указанному принципу позволяет эксперту увидеть потенциальные дефекты в реализации предлагаемых норм. Особенно ярко это проявляется в социальном законодательстве, где вероятную проблему можно заметить только из позиции адресата правовой нормы. Находясь именно на этой позиции, эксперт может зафиксировать проявление юридического неравенства, социальной несправедливости по отношению к гражданам отдельных категорий, ухудшение их положения в связи с введением нового регулирования, установление избыточных и необоснованных требований для адресатов юридических норм.

Примером дефекта, возникшего по причине игнорирования интерсубъективного подхода в деятельности эксперта, может служить норма ч. 3.3 ст. 12.1 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». В одной из ее редакций предусматривалось, что по общему правилу депутаты законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации не вправе участвовать в управлении коммерческой или некоммерческой организацией. Это правило распространялось на всех без исключения депутатов, в том числе на тех, которые замещают соответствующие государственные должности без отрыва от основной деятельности (на непостоянной основе), что очевидно ограничивало их права. Впоследствии норма была уточнена, и ее действие стало распространяться только на депутатов, осуществляющих полномочия на профессиональной постоянной основе.

Принцип интерсубъективности эксперта должен применяться не только при проведении правовой экспертизы правовых актов, непосредственно затрагивающих права граждан. Эффективным он может оказаться и при изучении правовых актов, регулирующих так называемые внутриаппаратные от-

ношения, субъектами которых выступают органы государственной власти или органы местного самоуправления. Его применение могло бы позволить избежать ошибки, допущенной в первоначальной редакции ч. 4 ст. 20 Федерального закона от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации», согласно которой наименование должности высшего должностного лица субъекта Российской Федерации должно было включать в себя слово «глава». Это не учитывало практику большинства российских регионов, где высшее должностное лицо именуется губернатором. При последующих изменениях рассматриваемого Федерального закона (14 марта 2023 г.) законодатель исправил эту ошибку, уточнив, что в наименовании должности может использоваться и слово «губернатор».

Теснейшим образом с принципами диалогизма и интерсубъективности связан принцип обеспечения баланса между интересами. С точки зрения правовой экспертизы он означает поиск консенсуса при принятии регулятивных решений исходя из интересов всех взаимодействующих сторон, включая общество как собирательный субъект.

Формулируя основы методики правовой экспертизы, надо иметь в виду, что коммуникативная теория, будучи проявлением интегративного подхода к правопониманию, не отрицает иных походов и теорий, не борется с ними, но принимает их наработки, чтобы на новом уровне теоретического и философского обобщения применить их для изучения права и правовых явлений¹. Соответственно элементы позитивистско-нормативистских методик должны использоваться в экспертизе, основанной на коммуникативном подходе к

¹ Очень точно, на наш взгляд, такую позицию описал Г. Дж. Берман. Он указывал: «Нам необходимо преодолеть... заблуждение относительно исключительно политической и аналитической юриспруденции („позитивизм“), или исключительно философской и моральной юриспруденции („теория естественного права“), или исключительно исторической и социоэкономической юриспруденции („историческая школа“, „социальная теория права“). Нам нужна юриспруденция, которая интегрирует все три традиционные школы и выходит за их пределы» [Берман 1998: 16–17].

правопониманию. В связи с этим следует говорить о том, что правовая экспертиза также основывается на *принципе интегративности*. Представляется, что наработки, возникающие в связи с применением нового методологического инструментария, должны применяться в практической деятельности юристов-экспертов и самостоятельно, и как дополнение к уже существующим методикам правовой (юридической) экспертизы правовых актов.

Выводы. Таким образом, избранный методологический подход позволил нам выделить ряд принципов, на которых может быть построена методика проведения правовой экспертизы правовых актов (проектов правовых актов). К их числу относятся принцип обеспечения эффективности правовой коммуникации, принцип диалогизма, принцип интерсубъективности эксперта, принцип обеспечения баланса между интересами субъектов нормотворчества, а также принцип интегративности. Часть из этих принципов, основанных на постклассическом понимании права, выдвигает требования к экспертам, определяет стратегию их поведения и выбор средств при осуществлении правовой экспертизы, часть принципов непосредственно затрагивает методику проведения правовой экспертизы, они нацелены на обеспечение качества принимаемых правовых норм и улучшение их восприятия потенциальными адресатами.

Представляется также, что, поскольку правовая экспертиза выступает элементом нормотворческого процесса, ее принципы (те, которые направлены на обеспечение качества принимаемых правовых актов) могут быть органично встроены в систему принципов нормотворчества. Это, например, общекоммуникативный принцип диалогизма; принцип обеспечения эффективности правовой коммуникации, тесно связанный с принципами конституционности и социально-экономической обусловленности нормотворчества; принцип обеспечения баланса между интересами субъектов нормотворчества, в значительной степени пересекающийся с принципом защиты прав, свобод и законных интересов граждан, юридических лиц, интересов общества и государства.

Список литературы

- Авакьян С. А. Десять конституционно-правовых «заповедей» законотворчества // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 2010. № 1. С. 6–28.
- Алексеев С. С. Собрание сочинений: в 10 т. М.: Статут, 2010. Т. 3: Проблемы теории права: Курс лекций. 781 с.
- Антонов М. В., Поляков А. В., Честнов И. Л. Коммуникативный подход и российская теория права // Правоведение. 2013. № 6. С. 78–95.
- Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М.: Изд-во Москов. ун-та; Инфра-М; Норма, 1998. 634 с.
- Дерхо Д. С. Принципы конституционного правотворчества Российской Федерации: вопросы теории // Проблемы права. 2014. № 1. С. 34–40.
- Ковачев Д. А. Механизм правотворчества социалистического государства: вопросы теории: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1980. 27 с.
- Кожокаръ И. П. Аксиологические дефекты нормативной подсистемы механизма гражданско-правового регулирования // Власть Закона. 2017. № 3. С. 69–92.
- Крусс В. И. Теория конституционного правопользования. М.: Норма, 2007. 752 с.
- Мионов А. Н. Экспертиза проектов нормативных правовых актов федеральными органами исполнительной власти // Административное право и процесс. 2012. № 2. С. 32–38.
- Москалькова Т. Н., Черников В. В. Нормотворчество: науч.-практ. пособие. М.: Проспект, 2015. 446 с.
- Нерсесянц В. С. Общая теория права и государства: учеб. для вузов. М.: Норма; Инфра-М, 2023. 560 с.
- Нечкин А. В. Правовая экспертиза нормативных актов: учеб. пособие для вузов. М.: Юрайт, 2020. 129 с.
- Нормография: теория и технология нормотворчества: учеб. для вузов / под ред. Ю. Г. Арзамасова. М.: Юрайт, 2020. 460 с.
- Перевалов В. Д. Правовая доктрина: проблемы формирования и реализации: моногр. М.: Норма; Инфра-М, 2022. 168 с.
- Писаревский Е. Л. Качество государственного управления: проблемы целеполагания // Административное право и процесс. 2013. № 10. С. 3–10.
- Спиридонов П. Е. Особенности системы публичного управления в Российской Федерации и ее влияние на развитие административного права // Административное право и процесс. 2021. № 8. С. 29–34.
- Эффективность правового регулирования: моногр. / под общ. ред. А. В. Полякова, В. В. Денисенко, М. А. Беляева. М.: Проспект. 2022. 240 с.

Александр Владимирович Блещик – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: bleszczyk@yandex.ru.

ORCID: 0000-0001-9166-4432

Principles of Legal Expertise of Normative Acts in the System of Legal Drafting Principles: A Communicative Approach

The normative acts legal expertise is an activity, which is on the one hand executed by a wide range of specialists towards normative legal acts of all kinds and on the other hand is almost not regulated by the national legislation. Legal expertise acts in several aspects: both as an element of the law-making process and as a special practice aimed at constitutionalisation of national legislation. The legal science regularly attempts to determine the principles of legal expertise. While formulating these principles for a more complete understanding of the legal expertise practice it seems necessary to turn to alternative (non-classical, non-positivist) paradigmatic approaches, for example, to the communicative theory of law.

The communicative theory considers law as a communicative system and perceives a legal norm within the framework of social context, closely connected with communicative content of relations between legal persons. The communicative theory of law allows formulating several principles of legal expertise: 1) the principle of ensuring the effectiveness of legal communication, 2) the principle of dialogism, 3) the principle of expert's intersubjectivity, 4) the principle of balancing the interests of rule-making subjects, and 5) the principle of integrativity. Since legal expertise is an element of the rule-making process, its principles (those aimed at ensuring the quality of legal acts) can be organically built into the system of legal drafting principles.

Keywords: law making, legal drafting principles, constitutionalisation of legislation, legal expertise of normative acts, principles of legal expertise, communicative theory of law

Recommended citation

Bleshchik A. V. Printsipy pravovoi ekspertizy normativnykh aktov v sisteme printsiptov normotvorchestva: kommunikativnyi podkhod [Principles of Legal Expertise of Normative Acts in the System of Legal Drafting Principles: A Communicative Approach], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2024, no. 4, pp. 12–21, DOI: 10.34076/2410-2709-2024-142-4-12-21.

References

Alekseev S. S. *Sobranie sochinenii* [Collected Works], in 10 vols., Moscow, Statut, 2010, vol. 3, 781 p.

Antonov M. V., Polyakov A. V., Chestnov I. L. Kommunikativnyi podkhod i rossiiskaya teoriya prava [Communicative Approach and Russian Theory of Law], *Pravovedenie*, 2013, no. 6, pp. 78–95.

Arzamasov Yu. G. *Normografiya: teoriya i tekhnologiya normotvorchestva* [Normography: Theory and Technology of Rulemaking], Moscow, Yurait, 2020, 460 p.

Avak'yan S. A. Desyat' konstitutsionno-pravovykh «zapovedei» zakonotvorchestva [Ten Constitutional and Legal «Commandments» of Lawmaking], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 11. Pravo*, 2010, no. 1, pp. 6–28.

Berman H. J. *Zapadnaya traditsiya prava: epokha formirovaniya* [Law and Revolution. The Formation of the Western Legal Tradition], Moscow, Infra-M, Norma, 1998, 634 p.

Derkho D. S. Printsipy konstitutsionnogo pravotvorchestva Rossiiskoi Federatsii: voprosy teorii [Principles of Constitutional Law-Making of the Russian Federation: Theoretical Issues], *Problemy prava*, 2014, no. 1, pp. 34–40.

Kovachev D. A. *Mekhanizm pravotvorchestva sotsialisticheskogo gosudarstva: voprosy teorii* [The Mechanism of Law-Making of a Socialist State: Theoretical Issues]: autoabstr. of doct. jur. sc. thesis, Moscow, 1980, 27 p.

Kozhokar' I. P. Aksiologicheskie defekty normativnoi podsistemy mekhanizma grazhdansko-pravovogo regulirovaniya [Axiological Defects of the Normative Subsystem of the Mechanism of Civil Regulation], *Vlast' Zakona*, 2017, no. 3, pp. 69–92.

Kruss V. I. *Teoriya konstitutsionnogo pravopol'zovaniya* [The Theory of Constitutional Right-Use], Moscow, Norma, 2007, 752 p.

Mironov A. N. Ehkspertiza proektov normativnykh pravovykh aktov federal'nymi organami ispolnitel'noi vlasti [Examination of Draft Regulatory Legal Acts by Federal Executive Authorities], *Administrativnoe pravo i protsess*, 2012, no. 2, pp. 32–38.

Moskal'kova T. N., Chernikov V. V. *Normotvorchestvo* [Rulemaking], Moscow, Prospekt, 2015, 446 p.

Nechkin A. V. *Pravovaya ehkspertiza normativnykh aktov* [Legal Expertise of Normative Acts], Moscow, Yurait, 2020, 129 p.

Nersesyants V. S. *Obshchaya teoriya prava i gosudarstva* [General Theory of Law and State], Moscow, Norma, Infra-M, 2023, 560 p.

Perevalov V. D. *Pravovaya doktrina: problemy formirovaniya i realizatsii* [Legal Doctrine: Problems of Formation and Implementation], Moscow, Norma, Infra-M, 2022, 168 p.

Pisarevskii E. L. Kachestvo gosudarstvennogo upravleniya: problemy tselepolaganiya [The Quality of Public Administration: Problems of Goal Setting], *Administrativnoe pravo i protsess*, 2013, no. 10, pp. 3–10.

Polyakov A. V., Denisenko V. V., Belyaev M. A. (eds.) *Ehffektivnost' pravovogo regulirovaniya* [Efficiency of Legal Regulation], Moscow, Prospekt, 2022, 240 p.

Spiridonov P. E. Osobennosti sistemy publichnogo upravleniya v Rossiiskoi Federatsii i ee vliyanie na razvitie administrativnogo prava [Features of the Public Administration System in the Russian Federation and Its Impact on the Development of Administrative Law], *Administrativnoe pravo i protsess*, 2021, no. 8, pp. 29–34.

Aleksandr Bleshchik – candidate of juridical sciences, associate professor of the Department of constitutional law, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: bleszczyk@yandex.ru.

ORCID: 0000-0001-9166-4432

Дата поступления в редакцию / Received: 19.04.2024

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 02.09.2024